

УДК 811.161.1'373.7: 811.161.3'373.7

О неофразамах-кальках в современных русском и белорусском языках

А.Н. СТОЛЯРОВА

В статье анализируются новые фразеологические единицы, вошедшие в русский и белорусский языки в результате калькирования иноязычных прототипов. Объясняется доминирование английского языка в качестве источника неофразаем-калек. На основе анализа примеров, отобранных из публикаций в современных СМИ, рассматривается тематика калькированных неофразаем, описываются некоторые изменения, которые неофразаемы претерпевают в процессе вхождения в принимающий язык.

Ключевые слова: неофразаема, калькирование, фразеологическая калька, точная / неточная калька, язык-донор.

The new phraseological units that have entered Russian and Belarusian as a result of calquing of foreign language prototypes are analyzed. Domination of English as a source of neophraseological calques is explained. Based on the analysis of examples selected from publications in contemporary media, subject area of calqued neophrasemes is considered. Some changes that neophrasemes undergo in the process of entering a recipient language are described.

Keywords: neophraseme, calquing, calque, phraseological calque, accurate / inaccurate calque, donor-language.

Активное межкультурное взаимодействие в глобальном информационном пространстве приводит к взаимообогащению контактирующих языковых систем, одним из проявлений чего является значительное количество калькированных фразеологических единиц, пополняющих современные русский и белорусский языки. Заимствования в переведенном виде, которыми являются кальки, усваиваются языком легче, нежели их беспереводные варианты. Белорусский филолог Н.А. Данилович объясняет это тем, что «фразеологическая система белорусского языка, как и всякого другого языка, наделена определенным “иммунитетом” против чрезмерного проникновения в свои границы иноязычных лексических единиц. Она допускает в свою “среду” чужеродный материал ограниченно...» [1, с. 31]. Кальки же воспринимаются носителями языка как факты родного языка, поскольку, как утверждает И.Я. Лепешев, их структурная схема заполнена «нашими» словами. «Многие из них осознаются как живые метафорические образования с ярким образным стержнем, сформированным на основе слов конкретного значения <...> Перекрашиваясь под национальную идиоматику, они органично входят в речь, вливаются в общий поток национального языка» [2, с. 36–37]. Об этом же писал Н.М. Шанский: «Основную массу фразеологических калек составляют фразеологические обороты, иноязычность структуры которых совершенно не чувствуется (это объясняется тем, что по синтаксическим связям слов и их семантическим отношениям они не отличаются от исконно русских фразеологизмов)» [3, с. 119]. По мнению И.О. Наумовой, среди новых слов и выражений иноязычного происхождения предпочтение говорящих отдается калькам, поскольку данные единицы имеют в большинстве случаев прозрачную внутреннюю форму, «способствующую осознанному восприятию новых словесных комплексов, а также ... словосочетания из исконно русского языкового материала, естественно, запоминаются легче и быстрее, чем незнакомые словесные блоки из других языков» [4, с. 38].

Целью данной статьи является выявление неофразаем, возникших в русском и белорусском языках в результате калькирования, описание специфики их образования и употребления. Для отбора неофразаем были использованы публикации сетевых изданий Республики Беларусь: «Звезда», TUT.BY, «СБ. Беларусь сегодня». В работе одновременно анализируются новые фразеологические единицы русского и белорусского языков, поскольку в центре нашего внимания – неофразаология Беларуси в условиях билингвизма, где специфика языкового и культурного пространства страны в равной степени может проявляться в неофразамах обоих названных языков.

В результате анализа собранного материала с точки зрения его происхождения было выявлено, что в русском языке наибольшее количество составляют неофраземы исконного происхождения (57 %), количество калек составило 40 %, в то время как в белорусском языке фразеологические кальки преобладают (61 %). По нашему мнению, такое соотношение объясняется более широкой распространённостью русского языка в сфере живого общения, где наиболее активны процессы фразотворчества. Кроме того, количество авторов публикаций в СМИ, пишущих на русском языке, значительно превышает количество авторов, использующих белорусский язык. Данные факторы способствуют росту числа неофразем исконного происхождения в русском языке, в то время как белорусский язык впитывает больше языкового материала, чем создаёт.

Как свидетельствуют результаты проведённой классификации, утверждение И.Я. Лепешева о том, что «во многих развитых литературных языках более трети фразеологизмов приходится на кальки и полукальки» [2, с. 37] актуально и для современного состояния русского и белорусского языков, где число фразеологических калек стремительно растёт. Это обусловлено лингвистической ценностью калек, которая имеет несколько аспектов:

1) как отмечает А.В. Кунин, кальки «заполняют лакуны в системе номинации, так как они во многих случаях не имеют ни лексических, ни фразеологических синонимов и являются единственными обозначениями тех или иных объектов» [5, с. 125];

2) кальки способствуют обогащению фразеологического фонда языка без введения в его состав иноязычной формы;

3) распространение калек способствует «сближению образов мышления двух народов и их восприятия языковой картины мира» [6].

Основными источниками фразеологических калек в разные исторические периоды являлись разные языки (латинский, греческий, немецкий, французский, английский). Так, например, Н.М. Шанский [3] считает, что основная масса фразеологических калек русского языка, представляющих из себя фразеологические сращения и единства, обязана своим происхождением французскому языку, который оказывал огромное влияние на русский язык в 18–19 вв. (*вопрос жизни и смерти* > *une question de vie et de mort*; *медовый месяц* > *la lune de miel*; *убить время* > *tuer le temps*; *сломать лёд* > *rompre la glace*). Количество калек из других языков значительно меньше. И.Я. Лепешев, анализируя кальки в белорусском языке, также свидетельствует о том, что преобладающее их большинство происходят из французского языка (*абрэзаць крылы*, *баяцца свайго ценю*, *божая кароўка*, *бура ў шклянцы вады*, *купляць ката ў мяшку*, *праглынуць язык*, *язык добра падвешаны*).

Фразеологические кальки не всегда легко отличить от исконно русских/ белорусских неофразем «в силу вероятности полного совпадения способа номинации, то есть самостоятельного существования в разных языках единиц, не являющихся результатом взаимодействия языков» [4, с. 15]. Для недопущения смешения данных явлений мы используем дифференциальные признаки выявления фразеологических калек, предложенные И.О. Наумовой [4, с. 16–18]:

1) существование структурно-семантического аналога в иностранном языке;

2) подтверждение возникновения предполагаемой модели-прототипа русской/ белорусской фразеологической единицы в иностранном языке (установление авторства, лексикографические источники, документы);

3) смысловая соотнесенность анализируемой единицы с иноязычной действительностью (наименования реалий, особенности национальной культуры);

4) одновременное функционирование прямого заимствованного выражения из иностранного языка и его пословного перевода, служащего одним из способов раскрытия содержания незнакомого иноязычного оборота;

5) частные формальные признаки, фиксируемые в отдельных случаях введения в речь фразеологических калек: кавычки (учитывая переносный характер значения большинства употребляемых в языке переводных фразеологических оборотов с английского), вводные фразы – как говорят в ..., так называемые и т. п.

В некоторых случаях установление происхождения кальки значительно облегчается контекстом: *Американский писатель Майкл Пренски назвал бы меня «цифровым иммигран-*

том», говорящим на новом языке с «акцентом»: я неуютно чувствую себя в соцсетях, я никогда не напишу даже анонимно ничего такого, чего не решилась бы сказать другому человеку, глядя в глаза и находясь от него на расстоянии удара (ТутБай, 12.12.2019).

Автором неофраземы *цифровой иммигрант*, как следует из приведённого контекста, является американец, в английском языке существует прототип неофраземы – *digital immigrant*. Кроме того, в тексте калька употребляется в кавычках, что акцентирует ее инородность и переносное значение. Таким образом, *цифровой иммигрант* – калька из английского языка.

На современном этапе развития языка и общества английский язык является самым влиятельным языком-донором фразеологических калек. Это во многом объясняется общемировым процессом глобализации, где английский является языком международных отношений. Кроме того, одной из самых активных сфер фразеобразования является интернет, а английский язык имеет доминирующую позицию в этой сфере как язык компьютерных терминов, наполнения мобильных приложений и сайтов. Неофраземы наподобие *личный кабинет, очистить корзину, крутить ленту, всплывающие окна, мусорная почта, накручивать аудиторию, сацьяльная сетка, тэставы рэжым, рабіць спасылку, гартаць дадаткі* и многие другие обязаны своим происхождением английскому языку и широко распространены среди пользователей сети интернет. Неофраземы-кальки, происходящие из сферы компьютерных технологий, можно разделить на 2 большие группы:

1) технологические (изначально используются разработчиками программного обеспечения, называют составные части компьютерного оборудования, описывают программные операции и работу приложений и др.): *тэставы рэжым, мабільны памочнік, сетевой след, тонкий клиент, всплывающие окна, горячие клавиши, холодный перезапуск;*

2) пользовательские (описывают действия пользователя во время работы за компьютером): *добавить в друзья, забросить на сайт, сидеть в интернете, рабіць спасылку, очистить корзину, взломать страницу, крутить ленту, зайти на страницу.*

Рассмотрим подробнее некоторые кальки из других предметных областей.

Неофразема *черный лебедь* > *black swan* в значении ‘труднопрогнозируемые и редкие события, которые имеют значительные последствия’ было употреблено Нассимом Талебом в книге «Чёрный лебедь: под знаком непредсказуемости». По мнению автора, именно *черные лебеди* становятся поворотными событиями в истории и при увеличении связей в мире их роль возрастает. Работа Талеба стала бестселлером и была переведена на 27 языков, что способствовало распространению выражения. В настоящее время неофразема присутствует как в русском, так и в белорусском языках:

Некаторыя эксперты паспелі ахрысціць COVID-19 «чорным лебедзем» сусветнай эканомікі – сітуацыяй, развіццё якой цяжка прагназаваць на магчымых сур'ёзных негатыўных наступствы (Звезда, 21.02.2020).

Впрочем, учитывая непредсказуемость социально-экономических и политических последствий пандемии, ставшей классическим «черным лебедем», делать какие-то окончательные выводы пока рано. (СБ, 07.04.2020).

Неофразема *испанский стыд* ‘чувство неловкости, стыда за действия другого человека’ произошла от английского фразеологизма *Spanish shame*. В данном случае английский – лишь язык-посредник, поскольку выражение образовалось в испанском языке – *la vergüenza ajena* ‘позор другого’. Возникновение неофраземы связывают, однако, не с Испанией, а с испаноязычной Латинской Америкой, где снимают много сериалов, – их герои, судя по всему, и вызывают *испанский стыд* у зрителей, поскольку зачастую совершают глупые и необдуманные поступки.

На территории Беларуси данный фразеологизм еще не получил широкого распространения, поэтому авторы публикаций объясняют его значение непосредственно в тексте статьи:

Мои коллеги из Украины говорят, что им за своих стыдно. Мне тоже. Это называется испанский стыд: когда тебе стыдно за то, что делает кто-то другой. Последние недели испанский стыд меня не отпускает (СБ, 22.02.2020).

Неофразема *мусорный туризм (турист) / смеццевы туризм (турыст)* возникла в Швейцарии в результате мер, принятых властями, для решения сложной экологической ситуации. Был введен обязательный раздельный сбор мусора, определена плата, причем высокая, за его вывоз и переработку. Мусор должен выбрасываться только в специальных пакетах с маркировкой. Многие швейцарцы, чтобы не платить за утилизацию мусора, вывозят его в соседнюю Францию. Это явление стали называть *мусорным туризмом*:

Во Франции шокированы наплывом «мусорных туристов» из Швейцарии (СБ, 30.03.2018).

Па ацэнцы французскіх улад, ім удалося прадухіліць увоз у краіну прыкладна 10 тон смецця, прычым яшчэ столькі ж было сабрана ў 2017 годзе ў азначаным рэгіёне. Нягледзячы на гэта, шмат якім «смеццевым турыстам» са Швейцарыі ўдалося ўнікнуць увагі мытнікаў. Прычынай развіцця «смеццевага турызму» стала вельмі дарагая ўтылізацыя адходаў у Швейцарыі (Звезда, 06.04.2018).

Явление стало настолько массовым, что для решения «мусорных» вопросов появилась особое отделение полиции:

У канцы 2017 года 33-гадовы мужчына пакінуў пакет са смеццем на вуліцы не ў той дзень, калі яго павінны былі забраць. Да таго ж ён выкінуў адходы ў звычайным пакеце, а не ў дарагім мяшку, ухваленым мясцовым саветам. Парушальніка вылічыў супрацоўнік смеццевай паліцыі і выпісаў яму штраф у 150 швейцарскіх франкаў (каля 330 рублёў) (Звезда, 03.10.2018).

Широкое внедрение информационных технологий имеет много последствий как положительного, так и отрицательного характера. Психологи, социологи говорят о новом поколении, которое уже не представляет своего существования без всевозможных гаджетов, дают ему названия, отражающие его сущностные характеристики. Среди подобного рода названий выделяются те, которые наиболее емко описывают суть явления, они приобретают устойчивость и воспроизводимость и проникают в другие языки. Из испанского языка появилась полукалька *поколение Ni-Ni* (los que ni estudian ni trabajan – не учатся и не работают), полукальки из английского – *поколение RESET*, *поколение SN* (*Social Network*). Калька из японского языка – *ya ubi sedai* < *поколение большого пальца*. Поскольку в Японии запрещено разговаривать по мобильной связи в общественных местах, с появлением мессенджеров разговоры стали вестись в них, причем тексты набирались преимущественно с помощью одного большого пальца, который от постоянного использования становился сильнее остальных пальцев. Увлечение мессенджерами списывалось на молодость, и потому термин, которым называли людей, пользующихся ими, изначально имел презрительный оттенок значения. Сейчас данное выражение стало стилистически нейтральным и распространилось за пределы Японии:

Давалося тлумачыць гэтаму дзіцяці з «накалення вялікага пальца» пра звычайныя яшчэ для яе бацькоў паняцці... (Звезда, 15.11.2019).

Согласно исследованию, проведенному британскими учеными, нынешние дети и подростки гораздо чаще пользуются большим, нежели указательным пальцем, даже когда звонят в дверь или указывают на что-либо. В результате их большие пальцы становятся более крепкими и подвижными, сообщает BBC. В Японии эти изменения достигли таких пропорций, что дали жизнь термину «поколение большого пальца» (ТутБай, 26.03.02).

Еще одна калька из английского – *snowflake generation* < *поколение снежинок* описывает поколение, чье взросление пришлось на 2010-е гг. Метафорическое использование лексемы *снежинка* (*snowflake*) указывает на уязвимость представителей этого поколения и их уверенность в своей исключительности, большую неустойчивость и обидчивость по сравнению с предыдущими поколениями. Неофразема оказалась настолько актуальной, что была признана одним из ведущих английских словарей [7] словом года в 2016 г.

Даже возник такой термин «поколение снежинок» (snowflake generation), который прижился с легкой подачи зарубежных социальных педагогов, злоупотребляющих метафорой «каждый человек уникален, как уникальна каждая снежинка в природе» (ТутБай, 12.12.2019).

Приведенный краткий обзор неофразеологических калек показывает, что тематический спектр, покрываемый новой фразеологией, разнороден и описывает многие, если не все, сферы функционирования социума.

В процессе калькирования, как известно, компоненты иноязычного выражения переводятся на другой язык, однако, поскольку лексико-грамматические нормы языков не всегда совпадают, кальки могут быть точными и неточными. В точной кальке при переводе сохраняются все особенности иноязычного прототипа (*lame duck* < *хромая утка*, *social network* < *сацыяльная сетка*, *empty trash* < *очистить корзину*, *digital natives* < *лічбавыя абарыгены*, *mobile assistant* < *мабільны памочнік*, *soft skills* < *мяккія навывкі*). «Неточная фразеологическая калька – это пословный перевод иноязычного фразеологического оборота с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче его компонентов» [3, с. 117]. В неточных кальках возможны следующие отличия от фразеологизма-прототипа:

1) измененный порядок слов в кальке: *helicopter parents* < *бацькі-верталёты*, *snowflake generation* < *поколение снежинок*, *gilets jaunes* < *жёлтые жилеты*, *table queen* < *каралева стала*, *lune de miel* < *медовый месяц*;

2) различия в компонентной структуре. В английских выражениях *surf the net*, *follow the link* используется определенный артикль, а в русском варианте его нет, поскольку данная часть речи в русском языке отсутствует, зато в структуру неофраземы-кальки вводится предлог (*лазить в интернете*, *перайсці па спасылцы*). Введение предлога, отсутствующего в иноязычном варианте, может сочетаться с изменением порядка слов, как в случаях с *password fatigue* < *усталость от паролей*, *helicopter money* < *деньги с вертолётá*;

3) иноязычное сложное слово переводится словосочетанием: *roadmap* < *дорожная карта*, *white-book* < *белая книга*.

Калькирование является продуктивным способом пополнения фразеологического фонда современных русского и белорусского языков. Большинство фразеологических калек происходят из английского языка, который на данный момент является международным языком общения, экономических и политических связей, программного обеспечения и интернет-технологий. Тематика неофразем-калек покрывает многие сферы жизнедеятельности человека, однако прослеживается преобладание калек в сфере компьютерных технологий. В процессе «входа» в принимающий язык калька может претерпевать некоторые трансформации, обусловленные различиями лексико-грамматического строя языков.

Литература

1. Даніловіч, М. А. Слова і фразеалагізм у беларускай мове : зборнік навуковых артыкулаў / М. А. Даніловіч. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2015. – 300 с.
2. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мн. : Выш. шк., 1998. – 271 с.
3. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие / Н. М. Шанский. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб. : Специальная литература, 1996. – 192 с.
4. Наумова, И. О. Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики) : монография / И. О. Наумова. – Х. : ХНАГХ, 2012. – 214 с.
5. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. ин. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – Москва : Высшая школа, Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
6. Багана, Ж. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния [Электронный ресурс] / Ж. Багана, А. Н. Безрукая, М. В. Тарасова // Научная электронная библиотека «Киберленинка». – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kalka-i-zaimstvovanie-kak-rezultat-inoyazychnogo-vliyaniya>. – Дата доступа : 01.08.2020.
7. Top 10 Collins Words of the Year 2016 [Electronic resource] // Collins Dictionary. – Mode of access: <https://www.collinsdictionary.com/word-lovers-blog/new/top-10-collins-words-of-the-year-2016,323,НСВ.html>. – Date of access : 04.07.2020.